

© 2010 г.

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук

зам. директора Международного научно-исследовательского института социального развития

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ

Проблема модернизации отечественной экономики рассматривается в статье в русле трансформационной исследовательской парадигмы. Особое внимание уделяется проблеме взаимозависимости технологической модернизации и продолжающейся трансформации системы экономических институтов.

Ключевые слова: модернизация, теория трансформации, технологические инновации, институциональные новации, структурные реформы, макроструктурная модель, индикативное планирование

Начнем с необходимой констатации. Проблематика экономической трансформации, коей еще несколько лет назад был посвящен огромный поток литературы, стала забываться. Многочисленные исследователи переклЮчилились на как бы «одобренную свыше» тему модернизации нашей национальной экономики, а затем и на темы модернизации в других сферах общественной жизни. Тем не менее, как мы постараемся показать, узловые вопросы технологической и экономической модернизации могут быть плодотворно переосмыслены лишь в русле требований необходимых трансформационных преобразований.

О дне сегодняшнем. Либеральные институциональные реформы первой половины 90 гг. не оказали благоприятного воздействия на технологическое развитие. Кардинальные институциональные сдвиги, изменившие отношения собственности и в целом социальную реальность наших граждан, в слабой степени оказались сопряжены с технологическими сдвигами. Как известно, происходивший в мире процесс распространения новых постиндустриальных технологий существенно не проявился в бывших социалистических странах: их серьезное отставание в области наукоемких и высоких технологий и в целом научно-технического ресурсного потенциала от ведущих западных стран только усугубилось¹. Исключение представляют только отдельные информационные технологии и технологии некоторых новых видов вооружений.

---

¹ Салавец А. Значение «новой экономики» в постсоциалистических странах: структурный и региональный аспекты. Проблемы теории и практики управления. 2002, № 4.

Опыт 90-х годов показал неприемлемость откладывания технологической модернизации ради скорейшей либерализации большинства рынков и ускоренной приватизации государственной собственности. По существу полностью игнорировалась всем известная рекомендация экономической теории – прежде чем осуществлять либерализацию внутреннего рынка необходимо создать условия для достижения приемлемой конкурентоспособности собственных производителей, а для этого, в свою очередь, требуется в какой-то мере соответствовать мировому технологическому уровню. Такая недалёковидная государственная политика продолжалась до самого последнего времени. Например, совсем недавняя практика показывает, что технологическая модернизация, хотя бы и в рамках существующей институциональной рыночной среды, могла бы развертываться до так называемого дерегулирования в электроэнергетике, а не наоборот.

Понимание невозможности автоматического ускорения технологического прогресса просто в ходе осуществления либеральных реформ пришло, хотя и с опозданием, достаточно давно. О необходимости коренной технологической модернизации в постсоциалистической России говорят, по меньшей мере, более 10 лет. Как отмечалось в одной из публикаций автора¹, еще в начале 2000 гг. сложились благоприятные условия для спрессованных во времени преобразований в технологической сфере, призванных стать основой необратимых позитивных структурных сдвигов. Но только в докризисный период 2006–2008 гг. произошли «точечные подвижки» в ходе реализации ряда инфраструктурных проектов и нескольких целевых программ. К сожалению, это не оказало ощутимого влияния на инновационную активность российских предприятий в большинстве рыночных сегментов. Технологическое отставание от ведущих стран мира продолжало усугубляться. Ныне необходимость перелома такой тенденции стала просто неотложной.

Особо хотелось бы акцентировать внимание на следующем моменте. В широких общественных кругах, наконец, возникло понимание необходимости проводить более активную политику в отношении будущего экономического развития страны. Да, финансовое регулирование может обеспечить длительную экономическую стабильность, прежде всего, выражающуюся в приемлемом уровне инфляции и относительно высоком обменном курсе рубля. Однако разрешение долгосрочных проблем развития российской экономики и в первую очередь обеспечение ее должной

---

¹Мартынов А. Постиндустриальная модернизация и будущее постсоциализма.// Общество и экономика, 2003, № 9.

конкурентоспособности на мировой арене при таком политическом курсе явно не предвидится.

Впрочем, за скорейшее осуществление технологической модернизации в ближайший послекризисный период ратуют далеко не все представители властвующей элиты. Часть из них откровенно выступает за сосредоточение главных усилий на восстановлении прежних высоких темпов экономического роста. Такая позиция определенно вызвана надеждами на благоприятную мирохозяйственную конъюнктуру и, соответственно, укрепление позиций России на внешних рынках.

Действительно, пока динамика сырьевых рынков – главного источника доходов нашего государства – достаточно благоприятна для России. *Во многом эта тенденция, по справедливому заключению специалистов, объясняется давно известным феноменом. Речь идет о вновь происходящем широкомасштабном переливе избыточного финансового капитала, резко увеличившегося в результате громадных спекулятивных операций за период кризиса, на фьючерсные сырьевые рынки* (на них в настоящее время происходят практически все сделки с нефтью и другими стратегическими ресурсами)¹. В полном соответствии с принципом рыночного равновесия рост цен на сырьевые ресурсы нейтрализует увеличение денежного (кредитного) спроса на реальные активы, индуцируемое со стороны финансовой сферы и ее главных субъектов – крупнейших западных банков.

С учетом сказанного, понятен основной довод в пользу возобновления быстрого экономического роста в России, который прогнозируется в текущем году на уровне около 5% (специалисты одного из самых заинтересованных кредиторов – «Банка Америки» – даже дают оценку в 10%). Суть дела состоит в возможности быстрого привлечения на российский рынок зарубежных кредитов, фактическим обеспечением которых выступают доходы от экспорта сырьевых ресурсов; в свою очередь, основным и одновременно наиболее привлекательным объектом зарубежного кредитования, исходя из критерия скорейшей окупаемости, оказывается торговая сфера и особенно импорт продовольственных товаров. И такой процесс происходит полным ходом. Судя по огромным зарубежным кредитам, получаемым «Газпромом», «Роснефтью» и другими крупнейшими российскими корпорациями, быстрому росту товарооборота и восстанов-

---

¹ По оценкам, получаемая на фьючерсном рынке маржа в виде разницы между ценой и реальной, «товарной» стоимостью нефтяных продуктов резко увеличилась. Если десять лет назад она составляла примерно 30-40% от цены, то к 2008 г. достигла 75% (см.: Шафраник Юрий. Глобальная энергетика и Россия. Аналитические записки, 2010, январь-март).

лению потенциала созданной огромной торговой инфраструктуры (по уровню ее развития Россия превзошла целый ряд европейских стран).

Однако возобновление устойчивого экономического роста в нашей стране возможно лишь при появлении нового потребительского бума. Произойдет ли он?

Наверное, на этот вопрос можно ответить утвердительно в случае выполнения ряда условий. Наиболее значимое из них заключается в сохранении благоприятной динамики мировых сырьевых рынков и мирового хозяйства в целом. Оптимизм в этом вопросе, стоит заметить, явно побавился на фоне наступивших финансовых потрясений в еврозоне.

Но самое главное, конечно, в другом. *Возврат к прежней, так сказать, докризисной модели экономического роста однозначно будет означать консервацию «торгово-сырьевого» приоритета в распределении национального капитала.* Неизбежно торговля потребительским ширпотребом и сырьевые рынки останутся наиболее привлекательным объектом притяжения капитала, особенно располагаемого крупнейшими российскими корпорациями и связанными с ними коммерческими банками. В таких условиях развитие инновационной сферы и высокотехнологичного сектора промышленности и материальных услуг будет осуществляться главным образом за счет государственной поддержки при второстепенной роли частного бизнеса. Но весь мировой опыт свидетельствует о бесперспективности такой политики в области технологической модернизации. Для корпоративного бизнеса и независимого предпринимательства должны быть созданы мощные рыночные стимулы к самому активному участию в инновационной переориентации российской экономики. А это означает неприемлемость откладывания усилий по проведению всесторонней технологической модернизации на будущий период предполагаемого устойчивого общеэкономического подъема, который наступит далеко не завтра.

Взгляд на модернизацию с позиции теории трансформации. Сначала кратко остановимся на наиболее значимых теоретических трактовках феномена модернизации в обществе.

Общеизвестна концепция мегамодернизации Парсонса, говорящая в пользу градации обществ на так называемые идеальные типы – традиционное (традиционалистское), индустриальное и постиндустриальное¹. В отношении их основных черт среди исследователей давно сложился относительный консенсус, что нашло зримое отражение в обширной учебной литературе.

---

¹ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002, с. 812-822.

Сопоставление конкретных характеристик социальных систем, сложившихся в определенных национально-территориальных границах, с их аналогами, присущими указанным трем типам общественных организмов, дает, безусловно, важную информацию для обществоведческих исследований. Однако, как признают сами приверженцы мегамодернизационной, часто называемой неопарсонской, модели, четких критериев и, тем более, оценочной шкалы для отнесения существующих социальных систем к одному из трех архетипов просто не существует. В начале XXI столетия все или почти все национальные сообщества являются “смешанными”, вбирающими в себя в разной степени традиционалистские, индустриальные и постиндустриальные черты. Исключение не представляют и наиболее развитые западные страны во главе с США, которых принято называть постиндустриальными. Тем самым с большой долей уверенности можно полагать, что область применения рассматриваемого подхода в основном ограничена исследованием самых долговременных тенденций развития всего человеческого общества или его основных частей (например, Азиатского континента), главным образом в русле проблем глобальной аналитики и футурологии.

Не менее существенно и то, что рассмотрение всего общественно-исторического процесса через призму мегамодернизации означает смешение, наложение друг на друга принципиально качественно разнородных перемен – как технологических, так и иных. Исследование реального механизма социального развития становится крайне затруднительным. Как следствие, вполне объяснимо возникает почва для одностороннего объяснения закономерностей общественного прогресса (регресса): либо исходя из чисто технократических концепций, либо исходя из сугубо гуманитарной парадигмы, не учитывающей критическую значимость научно-технического (технологического) фактора. И то, и другое приводит к неприемлемо большим искажениям.

Еще более нереалистической представляется с позиции сегодняшнего дня концептуальная трактовка модернизации как смены традиций (при всей, заметим, неоднозначности этого понятия) или просто преодоления отсталости. При такой трактовке в качестве модернизационных помимо технологических новаций рассматриваются широкие совокупности разнородных социальных изменений¹.

Разнородные социальные модернизации в их широком понимании некорректно рассматривать как один целостный трансформационный процесс. Многие модернизации такого рода фактически не связаны друг с

---

¹ Например: Black C. The dynamics of modernization. N.Y., 1975; Красильщиков В.А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994, с. 6-35.

другом ни в пространстве, ни, тем более, во времени. Особенно явственно, заметим, это проявляется в очевидной автономности перемен сложившихся традиций на разных полях социальных действий. Скажем, традиций выбора местных руководителей из “своих” и традиций городской архитектуры. В любом случае, объединенная совокупность разнородных процессов социальных модернизаций не может рассматриваться как операционный объект в русле исследования процесса развития определенной социальной системы.

Наша позиция, конечно, не состоит в отрицании правомерности исследований специфических социальных перемен через призму феномена модернизации¹. Трудно поставить под сомнение плодотворность ряда постановок в рамках отдельных теорий модернизации, касающихся, например, теории политической модернизации, главным сторонником которой является Самюэль Хантингтон², или теории модернизации корпоративных структур управления. Тем более, однозначно критическое отношение вызывает трактовка социальной модернизации как универсального процесса, объясняющего коренные перемены в развитии конкретной социальной системы. В пользу сказанного резонно привести, по крайней мере, два существенных аргумента.

Первый. Результат изменения корневых институтов, происходящих в ходе социальных системных преобразований, во многих случаях не правомерно оценивать как отторжение прежних традиций. Например, обращаясь к недавнему историческому прошлому, можно утверждать, что восстановление институтов частной собственности в постсоциалистических странах Центральной Европы не являлось модернизационным скачком, а по существу представляло возврат к прежним традициям социальной жизни полувековой давности.

Второй. Традиции прошлого как таковые не исчезают с общественной арены, продолжая оказывать существенное воздействие на дальнейший ход социальных преобразований. Ряд из них, несколько модифицируясь, фактически сохраняется. Так, судя по опыту бывших социалистических стран и некоторых стран “третьего мира”³, большинство представителей господствовавших в них национальных элит не утратили лидирующих статусных позиций, несмотря на произошедшие коренные соци-

¹ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: УРСС, 1999; Опыт российских модернизаций. М.: “Наука”, 2000, с. 10-49.

² Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader. New York, London, 1976.

³ Например: Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. М.: “Наука”, 1999; Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Книга 2. Социально-экономические модели (из мирового опыта). М.: Экономика, 2005, с. 737, 788-789.

альные метаморфозы. Исходя из приведенных доводов, модернизационные сдвиги в обозначенном универсальном понимании всегда сопровождаются институциональными переменами, в том числе чисто рутинного характера, приводящими не более чем к модификации традиционных отношений, но не к их исчезновению.

Существует еще ряд общесоциологических и сугубо концептуальных моделей модернизации¹. И можно констатировать, что все они не касаются конкретно-исторического аспекта модернизации национальной экономики в определенной стране.

Для операционного исследования, прежде всего в пространственно-временном измерении, процесса модернизации в социальной системе необходима его структуризация. Это становится достижимым посредством обращения к теории трансформации социальной системы. Предметом теории трансформации как раз являются закономерности социальных структурных изменений, проявляющиеся в технологических и институциональных трансформациях, а с ними ресурсных и организационно-поведенческих трансформациях².

С позиции теории трансформации технологическое (инновационно-технологическое) поле является относительно автономным от других полей социальных действий – экономического, политического и др., поскольку деятельность по созданию и распространению новых технологий принципиально отличается от обычных социальных практик. Тем самым, исходя из рассматриваемой теоретической парадигмы, непосредственным источником модернизации логично полагать технологические трансформационные перемены, инициирующие структурные сдвиги других типов – ресурсные, поведенческие и, главное, институциональные. Результаты этих взаимосвязанных сдвигов, в свою очередь, отражают итоги модернизационных преобразований на основных полях социальных действий за границами технологического поля.

В частности, экономическую модернизацию правомерно рассматривать как трансформационный процесс, происходящий под воздействием технологических перемен, влияющих на хозяйственную среду, и сопутствующих им институциональных и прочих сдвигов. Тем самым по существу данный процесс представляет собой составную часть процесса экономической трансформации.

---

¹ Их обзор дан в: Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002.

² См.: Мартынов А. Теория и стратегия социального развития; возможности применения макросистемного подхода. // Общество и экономика, 2006, № 10.

Правомерно выделить две основные составляющие модернизации как системного трансформационного процесса. Это – *коренная технологическая трансформация и сопутствующая ей институциональная трансформация*.

Главный результат технологической трансформации заключается в смене технологий и в первую очередь технологических производственных способов, на которых зиждется производительный потенциал общества. Наряду с технологическими инновациями, революционными, рутинными и прочими, в современном социуме особенно велика роль инноваций в сфере человеческого капитала. Политика, способствующая усвоению и использованию новых научных и практических знаний, позволяет добиться, как подтверждают эмпирические исследования, на порядок более высокого повышения эффективности национальной экономики по сравнению с традиционной политикой импортозамещения и поддержки экспорта.

Наряду с технологическими инновациями и связанными с ними нематериальными инновациями, обеспечивающими обновление человеческого капитала, неотъемлемым источником развития социальной системы являются институциональные новации – таков вердикт теории трансформации. В соответствии с ней за границами технологического поля имманентным атрибутом трансформаций в любой социальной системе выступают изменения институтов, то есть институциональные трансформации.

Роль институциональных новаций в ускорении развития национальной экономики в ходе ее модернизации поистине огромна. Это утверждение в полной мере справедливо в отношении России. Уместно было бы обратиться к обстоятельному, получившему признание исследованию Стивена Полларда¹. По его оценкам, по завершении правления Екатерины II душевой национальный доход составлял примерно 85% от уровня в ведущих европейских странах, но уже к окончанию «николаевской» эпохи в 1860 году разрыв резко увеличился. Указанное соотношение по душевому национальному доходу составило немногим более 40%.

Принципиальную значимость имеет адекватное представление трансформационного процесса модернизации во времени применительно к социальной (макросоциальной) системе определенной страны. Вполне логичным представляется сугубо прагматический подход к периодизации сроков модернизации. Он заключается в выявлении фактических временных стадий коренных сдвигов в ходе сугубо технологической модернизации, поддающейся достаточно точной квантификации.

---

¹ S. Pollard. Peaceful conquest. The industrialization of Europe. Oxford, 1995.

Результаты конкретных исследований однозначно свидетельствуют о многостадийном характере процесса коренной технологической модернизации. Так, обращаясь к историческому опыту России и ряда европейских стран, можно выделить, по крайней мере, три стадии индустриальной технологической модернизации¹. Первая – доиндустриальная – модернизация, по своему содержанию соответствующая классической модернизации в ходе Промышленной революции; вторая – раннеиндустриальная модернизация в XIX веке; третья – позднеиндустриальная модернизация в начале прошедшего XX века.

В то же время есть все основания полагать, что продолжительность стадий современной технологической макротрансформации – постиндустриализации коренным образом сокращается. И в условиях кардинального усиления интернационализации научно-технического прогресса это касается социальных систем практически всех стран.

Как также показывают исторические исследования, траектории технологических трансформаций также во многом сходны в большинстве стран. За сжатое во времени распространением фундаментальных инноваций следует длительный период относительно умеренных по своей интенсивности, хотя и далеко неравномерных технологических сдвигов. И он продолжается до наступления новой стадии трансформации рассматриваемого типа.

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что временные сроки индустриальной модернизации существенно отличались по разным странам. Наиболее явственно это выразилось в феномене долговременного «запаздывания» коренных технологических переворотов в большинстве стран, в их числе Германии и России, относительно стран-лидеров (Великобритании, а затем США).

Уместно напомнить, что теоретическая основа концепции догоняющей технологической модернизации была представлена в эпохальной работе Фридриха Листа «Национальная система политической экономии». В России эта концепция получила особую известность через 50 лет в период поступательного развития российского капитализма – благодаря столь же знаменитой статье Сергея Витте «Национальная экономия и Фридрих Лист». Наиболее значимый вывод из аргументации Листа, носившей конкретный характер применительно к условиям становления капитализма в Германии в конце первой половины XIX века, сводился к целесообразности ускоренных прогрессивных преобразований в промышленности для достижения экономического паритета с наиболее передовыми на тот момент капиталистическими странами, в первую очередь Ве-

---

¹ Опыт российских модернизаций. М.: «Наука», 2000, с. 50-71.

ликобританией. Ключевая роль в решении этой проблемы отводилась средствам государственного протекционизма национальной промышленности, то есть промышленной политики в современном понимании этого термина.

Реалии мирового развития в XXI веке свидетельствуют о сохранении значимого технологического отставания одних стран от других. Тем самым *императив догоняющей модернизации* стоит перед многими странами, в числе и Россией.

Принципиально важен и следующий момент. Опять-таки с позиции теории трансформации *догоняющая модернизация представляет собой в чистом виде дезэволюционный процесс, когда имеет место перелом ранее сложившихся тенденций технологических и институциональных перемен. Это означает, что знаковой чертой процесса догоняющей модернизации выступает превалирование дискретных технологических сдвигов.* Им сопутствуют также заведомо дискретные институциональные переменные, в том числе в области государственного устройства. Именно такая картина, стоит добавить, наблюдалась в России в ходе трех «больших» индустриальных переворотов – при Петре Первом, Александре Третьем и Сталине.

«Модернизационный рывок» как первоочередной императив трансформации российской экономики на ближайшую перспективу. Как следует из представленного главой правительства официального документа «Основные направления антикризисных действий правительства Российской Федерации на 2010 год», в самой ближайшей перспективе требуется осуществить «модернизационный рывок», то есть по сути дела догоняющую модернизацию. Ее результатом призван стать выход на давно прокламируемую траекторию инновационного социально ориентированного развития. В целом ряде недавних публикаций акцентируется внимание на том, что технологическая модернизация отнюдь не сводится к реализации инновационных программ и проектов. И это совершенно справедливо.

Главная проблема, конечно, заключается в институциональном обеспечении эффективных технологических инноваций. Было бы неразумно приуменьшать сложность этой проблемы. Ее разрешение предполагает кардинальное преобразование действующих институциональных механизмов, предопределяющих результаты инновационной деятельности. Эти неэффективные, хотя и рыночные механизмы, сформировавшиеся в итоге предшествующей постсоциалистической трансформации в нашей стране, существенно различаются по разным секторам экономики. Тем самым по существу намечаемый «модернизационный рывок» должен включать в себя спрессованные во времени и сопутствующие технологи-

ческим инновациям институциональные преобразования, специфицированные по отдельным секторам.

Как нами уже отмечалось, догоняющая модернизация означает необходимость масштабных дискретных решений. Именно дискретные технологические перемены, притом весьма специфицированные в рамках определенных секторов национальной экономики, представляют собой главное содержание процесса догоняющей модернизации. Их непосредственным ориентиром выступают целевые ориентиры преобразования структуры национальной экономики. А это, в свою очередь, означает неизбежность активного государственного вмешательства, как в процесс технологической трансформации, так и в непосредственно сопутствующий ему процесс специфических институциональных преобразований.

В данной связи нельзя не обратить внимания на тот широкий резонанс, который вызвали предложения экспертов ЕС в рамках программы «Партнерство для модернизации». Ряд из этих предложений заслуживает всяческого внимания и, возможно, практического применения. В то же время можно утверждать, что только применения известных кредитных и финансовых стимуляторов и дестимуляторов недостаточно. Ответные предложения со стороны Министерства экономического развития, кажется, учитывают это обстоятельство.

Одновременно будет продолжаться внутрисистемная экономическая трансформация, относительно автономная от технологической модернизации. Речь идет главным образом об институциональных экономических реформах на макроуровне в русле продолжения внутрисистемной трансформации, основу которой представляет изменение корневых институтов собственности и координации.

Этот процесс, согласно большинству известных нам прогнозов, не будет сопровождаться радикальными «шоками», как в период 1990 гг. В то же время, следуя тем же прогнозам, далеко не все внутрисистемные институциональные сдвиги будут инкрементальными, если следовать точному значению этого термина в соответствии с современной институциональной теорией. На экономическом поле, в частности, неизбежны дискретные институциональные сдвиги, в том числе под влиянием вероятных политических пертурбаций.

Узловое значение, как показывают многочисленные факты, приобретает осуществление опять-таки секторных институциональных реформ, связанных с изменениями корневых институтов собственности и координации. Как нам приходилось писать, фактическое игнорирование в ходе проведенной радикальной рыночной либерализации и приватизации ранее сложившихся деформаций структуры нашего народного хозяйства, унаследованных от прошлой социалистической эпохи, сделало невоз-

возможным единовременное выполнение успешных институциональных реформ в разных секторах экономики. В целом ряде секторов необходимые в ближайшей перспективе институциональные преобразования должны быть самыми глубокими, кардинальными.

Таким образом, по сути дела главное содержание действительно модернизационного этапа трансформации российской экономики призваны составить секторные структурные реформы. В развитие сказанного резонно сфокусировать внимание на взаимосвязанных узловых вопросах технологической модернизации и параллельно происходящих институциональных экономических преобразований в ходе этих структурных реформ.

Начнем с инновационной сферы. Официально объявлено о пяти основных направлениях технологической модернизации. Это – энергоэффективность и энергосбережение; ядерные технологии; космические технологии, в том числе инфраструктура передачи всех видов информации; медицинские технологии и, прежде всего, диагностическое оборудование и лекарственные средства; стратегические информационные технологии, включая вопросы создания суперкомпьютеров и разработки их программного обеспечения.

К сожалению, в настоящее время основной упор делается на инновационных проектах, выполняемых за счет государственной поддержки крупнейшими, хорошо известными российскими корпорациями. И есть основания предполагать, что раздача «слонов», производимая через Президентскую комиссию по модернизации, будет в лучшем случае иметь локальный эффект в рамках Московского региона и не приведет к серьезным позитивным сдвигам в национальном масштабе.

Хотелось бы подчеркнуть со всей определенностью – *гигантомания, которую иногда называют «монстриальной» монополизацией, в инновационной сфере совершенно неприемлема. Весь мировой опыт свидетельствует в пользу «компактности» венчурного бизнеса, для которого характерно превалирование небольших творческих коллективов единомышленников.*

Критическое значение для успеха модернизационного рывка будет иметь распространение малых венчурных фирм при вузовских центрах. Вне всякого сомнения, процесс распространения гибкого венчурного бизнеса наберет высокие обороты только при условии повышения качественного научно-инновационного потенциала самих вузов, что предполагает кардинальное сокращения числа вузов – естественно, за счет тех, которые не дают настоящего образования. При этом социальные издержки такого жесткого реформирования образовательной сферы могут быть с лихвой компенсированы посредством быстрого запуска механизмов не-

прерывного образования, обеспечивающего повышение эффективности человеческого капитала и большую гибкость рынков труда.

Конечно, переход к инновационно-ориентированному развитию предполагает востребование огромного интеллектуального потенциала нашего общества. Как известно, в ближайшие годы прогнозируется приток нового контингента молодых ученых, инженеров и других высококвалифицированных специалистов. Поэтому в практическом плане в первую очередь потребуется добиться порядкового увеличения научных стипендий и грантов и одновременно внедрить надежные механизмы защиты интеллектуальной собственности. Нет альтернативы и созданию институциональных и организационных условий для привлечения и закрепления в инновационной сфере и постиндустриальном секторе талантливых молодых специалистов. Тогда новое поколение по-настоящему образованных технократов утвердит себя и, вероятно, будет играть центральную роль на общественной авансцене уже в обозримом будущем. В то же время трудно преодолеть скепсис в отношении возврата уехавших за рубеж кадров. По справедливому заключению ряда специалистов, он навряд ли возможен в широких масштабах.

Особую проблему представляет обоснование долгосрочных решений по государственной поддержке собственных ученых и инноваторов. Выполнение императива развития национальной инновационной системы явно неправомерно сводить к политике всяческого протекционизма собственных инноваторов относительно зарубежных¹. Такого рода политика, судя по многочисленным примерам, будет сопряжена с бюрократическим признанием результатов технологических инноваций, но отнюдь не с их признанием на реально функционирующих инновационных рынках.

Ни для кого не секрет, что в России очень низка степень коммерциализации инноваций – составляет менее 30%, в то время как в западных странах этот показатель достигает 90%. Исправлению сложившейся ситуации могут способствовать институциональные преобразования в ходе общесистемной экономической трансформации, в первую очередь направленные на решение двух важнейших задач. Первая задача – окончательное освобождение от ведомственных пут большинства инновационно-технологических центров, действующих в оборонном комплексе (как известно, масштабы производства наукоемкой гражданской продукции в нем остаются мизерными). Вторая – спрессованное во времени формирование необходимых институтов (правовых и иных регламентаций) и адекватных разнообразных организационных структур для развития венчур-

---

¹ См.: Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России. Состояние и пути ее развития. М.: Наука, 2006.

ного бизнеса в самих гражданских отраслях. Тогда могут быть преодолены институциональные барьеры, способствующие возникновению знаменитого феномена «блокировки» наиболее предпочтительных технологических инноваций¹.

Преобразования в инновационной сфере в первую очередь должны проявиться в долгожданном быстром росте высокотехнологического сектора. Заглавную роль в нем, по широко признанному мнению, призваны играть крупные, в значительной части военно-промышленные корпорации. Используя преимущества горизонтальной и особенно вертикальной интеграции², они в состоянии обеспечить внедрение и тиражирование наиболее затребованных на сегодняшний день новейших технологических достижений.

В то же время имеет смысл признать, что *огосударствление высокотехнологического сектора неприемлемо*. Постепенно в его состав – и в этом состоит один из главных результатов предстоящей модернизации как трансформации – должны войти и многие сектора сугубо гражданской экономики, и ряд видов социального предпринимательства. А для этого потребуются спрессованное во времени формирование необходимых институтов, прежде всего правовых регламентаций, и адекватных разнообразных организационных структур для развития независимого венчурного бизнеса и частного предпринимательства в гражданских высокотехнологических отраслях.

Нет нужды долго говорить о том, что главным конкурентом высокотехнологического сектора выступает сырьевой сектор, в котором технологическая модернизация давно назрела. Стоит заметить, что за последние годы наблюдался незначительный рост эффективности инвестиций в сырьевую сферу большинства экономик стран СНГ. Исключение – Азербайджан, где была проведена технологическая модернизация добывающей промышленности. Заметим, что большой успех «нефтяной» модернизации в Азербайджане определенно стал образцом для подражания в СНГ.

Исходя из своих национальных интересов, Россия призвана остаться ведущей энергетической державой. Но для этого требуется добиться кардинального, по крайней мере, двукратного снижения энергоемкости ВВП за счет как разработки и внедрения энергосберегающих постиндустриальных технологий, так и снижения доли энергоемких отраслей экономики. При этом глобальное изменение климата и усиление негативного воздействия на окружающую среду обуславливают потребность в макси-

---

¹ Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ-ВШЭ, 2006, с. 136-182.

² См.: Губанов С. К политике неоиндустриализации России. *Экономист*, 2008, №9.

мальном использовании источников возобновляемой энергии (ВИЭ), к которым относятся: солнечная, ветровая, геотермальная, водородная, приливная. По мнению специалистов, в нашей стране в ближайшие 10 лет есть широкие возможности для увеличения производства электроэнергии на основе альтернативных возобновляемых источников в десятки раз.

По уровню технологической эффективности все отрасли ТЭКа существенно отстают от соответствующего уровня в зарубежных индустриально развитых странах. Поэтому предпринимаемые в настоящее время усилия государства по поддержке проектов ускоренного внедрения новых технологий, в том числе все тех же ресурсосберегающих, в сырьевых отраслях определенно заслуживают одобрения. Лучше поздно, чем никогда...

Особенно, как показывают международные сравнения, неэффективны применяемые в нашей стране технологии переработки нефти в конечный продукт. Однако отечественные компании в условиях улучшающейся мирохозяйственной конъюнктуры увеличивают добычу нефти (Россия, заметим в скобках, по-прежнему экспортирует в сыром и «полуфабрикатном» виде три четверти добываемой нефти), продолжая до предела эксплуатировать устаревшее оборудование, которое в любой момент может вызвать масштабные экологические катастрофы. Достаточно сказать, что в США, где глубокая переработка нефти является нормой, из тонны нефти получают 440 литров бензина, в России – всего 140.

Сохраняющееся технологическое отставание красноречиво свидетельствует о несостоятельности реально действующей институциональной модели в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК). Частный капитал, а фактически капитал нескольких российских олигархов-миллиардеров, оказался, судя хотя бы по заключению главы нашего правительства, не состоятельным с точки зрения результатов инновационной деятельности. Увы, приходится констатировать, что такое понимание приходит к кругам правящей элиты только сейчас, по прошествии 18 лет (!) с начала радикальной рыночной реформы.

По единодушному заключению, в сырьевых отраслях нет должной конкуренции, здесь фактически имеет место олигополистический раздел рынка. Так, в нефтяной отрасли ведущие компании, в первую очередь из большой четверки (ЛУКОЙЛ, ТНК-ВР, «Роснефть», «Газпром нефть»), в своей деятельности на территории России нередко прибегают к ценовому сговору. В 2009 году Федеральная антимонопольная служба неоднократно уличала их в намеренном изъятии топлива из обращения ради искусственного разогрева цен на бензин. Однако практически все судебные иски завершались в пользу отечественных олигополистов. Именно высокие цены на бензин представляют собой один из главных факторов инфляции, обуславливающей возрастание стоимости перевозки грузов и пассажиров

и в целом увеличение стоимости товаров и услуг. Особенно это касается продукции отечественных производителей в аграрном секторе.

Выход из положения заключается в системных институциональных преобразованиях в рассматриваемом секторе, затрагивающих корневые институты собственности и координации.

Так, в кардинальном реформировании нуждаются действующие институты ценовой и налоговой политики (в частности, инструмента реинвестирования прибыли), призванные быть переориентированными на повышение производственной эффективности и экономически справедливое распределение доходов. Очень убедительной представляется и аргументация в пользу скорейшего возрождения института концессии и принятия нового, соответствующего реалиям мирового развития закона, регулирующего договорные отношения между государством и бизнесом в области недропользования¹.

Еще более радикальными должны стать решения, направленные на изменение институтов собственности в сырьевой сфере. Капиталы олигархов должны быть выведены из рынка, для чего в сырьевых отраслях потребуются осуществление в широких масштабах справедливой рекапитализации. Юридически правомерен выкуп пакетов акций основных владельцев крупнейших сырьевых компаний по первоначальной стоимости приобретения с учетом фактической инфляции на внутреннем рынке. Жалование высших менеджеров крупнейших корпораций должно будет, конечно, соответствовать принятым международным стандартам. Но одновременно станет невозможным превращение этих менеджеров во владельцев миллиардных активов своих компаний.

Подчеркнем со всей определенностью. Речь идет совсем не о смене отношений собственности и возврате к советскому социализму, как пугают многочисленные эксперты, отстаивающие на коммерческой основе интересы высшей российской бюрократии и бизнес-олигархии. *Суть дела состоит в преодолении сверхдоходности сырьевых рынков, выступающей главным тормозом на пути успешного развития нашей экономики.*

Одновременно для достижения мирового уровня конкурентоспособности трудно обойтись без частичной либерализации движения капитала на сырьевых отечественных рынках. Речь идет о широком привлечении в ТЭК зарубежных компаний и их участии в распределении получаемых доходов на строго паритетной основе с государством.

---

¹ См.: Колесник И.В., Кондаков А.В., Сазонова Е.С. Совершенствование политики в сфере минерально-сырьевой базы в целях экономического развития России // Материалы экономического собрания. М., «Научный эксперт», 2008.

Институциональное реформирование в обозначенных направлениях приведет к формированию принципиально иной модели энергетического сектора. Она будет иметь большое сходство со «смешанной» моделью развития энергетического сектора, действующей в Норвегии, а теперь, кажется, и в Казахстане. Отличительной чертой этой модели является активное государственное участие и равноправное партнерство с частными компаниями – как транснациональными, так и относительно небольшими¹. Таким путем достигается максимально возможное присутствие в отрасли частного не олигополистического бизнеса и приемлемый конкурентный порядок.

Имеет смысл акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. В последнее время в сырьевой сектор норвежской экономики широко привлекаются малые компании. По мнению специалистов, небольшие фирмы более выгодны для нефтяного сектора Норвегии, поскольку они заинтересованы в разработке месторождений, в которых крупные компании не видят больших выгод. И как показывает отечественная практика, эффект экономии на масштабах не действует на локальных нефтяных рынках. Тем самым возможность появления и утверждения средних нефтяных компаний вполне реальна. В этом случае будет сделан чрезвычайно важный шаг в сторону демонаполизации отечественной «нефтянки».

Крайне весомое значение для всего нашего социума имеет модернизация в широком смысле сектора ЖКХ, который функционирует крайне неэффективно. Внедрение новых современных технологий, особенно ресурсосберегающих, и скорейшее обновление устаревшего оборудования в жилищной сфере стало просто безальтернативным. Дальнейшее промедление, учитывая почти катастрофическое сокращение бюджетных ассигнований (на 25%) на содержание ЖКХ в прошедшем году, грозит обернуться огромными аварийными издержками. А это означает необходимость изыскания ресурсов, прежде всего со стороны государства, для выполнения целой массы как инновационных (внедренческих) проектов, так и инвестиционных «тиражирующих» проектов.

Вместе с тем улучшение качества жилищных услуг, памятуя о современных рыночных реалиях, невозможно и без институциональных новаций, непосредственно не связанных с технологическими решениями. Необходимо признать, что приближение жилищных услуг к современным

---

¹ Как известно, норвежское правительство занимает лидирующие позиции в нефтяном секторе страны. Так, 71% компании Statoil принадлежит государству, которое через эту структуру контролирует 60% всего нефтяного и газового рынка страны. Множество международных нефтяных компаний – крупнейших и относительно небольших – присутствуют на НКШ, однако все они должны согласовывать свои действия и работать вместе с Statoil.

стандартам определенно предполагает постепенное повышение тарифов по оплате жилья. Но такое станет возможным исключительно в послекризисной перспективе. Сейчас в условиях продолжающегося кризиса и в ближайшей после кризиса перспективе социальные потери, связанные с такой реформой, будут неприемлемо высоки.

Как нам уже приходилось писать, постиндустриальная высокотехнологичная экономика неизбежно имеет ограниченное распространение¹. Нужно иметь в виду, что на повестке дня со всей остротой стоят и задачи технологической модернизации отраслей так называемой традиционной экономики, в их числе сельского хозяйства.

Исходя из известных прогностических разработок, *следует ожидать восстановления роли традиционного сектора экономики, особенно сельского хозяйства и традиционных услуг*, в результате применения «чистых» технологий. В частности, в нашей стране, как и в Беларуси, на Украине и в Армении, правомерно прогнозировать восстановление традиционных сельскохозяйственных отраслей на новой технологической базе. Тогда станут реальными кардинальные сдвиги в структуре занятости в ходе становления модернизированной в широком смысле экономики.

Давно назревший технологический переворот в традиционных отраслях не может не сопровождаться системными институциональными подвижками. И в перспективе специфика рассматриваемого сектора, по всей видимости, будет проявляться в его существенно ограниченной либерализации. Да и сама тенденция институциональных изменений представляется не однонаправленной. Иначе говоря, решения по либерализации отдельных экономических институтов будут сочетаться с усилением некоторых инструментов государственного регулирования (в частности, касающихся контроля качества и соблюдения технических стандартов).

Особо хотелось бы акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. Итогом технологических и институциональных перемен в рамках данного сектора призвано стать кардинальное повышение качества обиходных потребительских товаров, особенно продуктов питания. Пока же преобладает тенденция быстрого приближения внутренних цен на продукты питания и другие товары широкого спроса к мировым ценам при сохранении их нынешнего низкого качества. К сожалению, за время кризиса такая негативная тенденция резко усилилась.

Как бы подытоживая сказанное, можно утверждать, что *очень масштабные секторные сдвиги, обусловленные приоритетами технологической модернизации, и представляют собой главное содержание настоящей*

---

¹ Мартынов А. Смешанные общества в многополярном мире. Общество и экономика, 2008, № 5.

го этапа трансформации нашей национальной экономики (см. схему 1). В дальнейшем по завершении этих сдвигов технологические и системно институциональные переменные, вероятно, станут равно приоритетными. И инкрементальные изменения эволюционного характера станут преобладающими в процессе экономического развития страны в дальнейший перспективный период, хотя такой период может стать весьма непродолжительным вследствие ожидаемых мирохозяйственных «шоков».

Разумеется, осуществление рассмотренных коренных секторных реформ предполагает поддержание устойчивой макроэкономической стабильности. В данной связи нельзя обойти вниманием проблему финансирования инвестиций в ходе кардинальной технологической модернизации. Даже по официальным оценкам, потребность в инвестициях на модернизацию оценивается в 14 миллиардов долларов. Заведомая ограниченность финансовых ресурсов, в том числе путем внешних заимствований, обуславливает необходимость кардинального повышения рыночной (не отчетной для инстанций!) эффективности большинства инвестиционных проектов, направленных на реализацию технологических инноваций – иного пути просто нет. Первостепенная роль в решении этой задачи отводится созданию институтов развития, что предполагает их самое быстрое становление именно как новейших рыночных институтов.

Давно стало понятно, что закон выравнивания нормы прибыли фактически не действует в условиях современного несовершенного рынка, тем более, национального российского. Так, до последнего времени рентабельность продукции Газпрома составляла 60%, в то время как в машиностроительных отраслях она не превышала 10%.

Как следствие, существующий рынок капитала продолжает оставаться благоприятным полем для спекулятивных финансовых операций и совсем не ориентирован на инновационные приоритеты развития. Для преодоления такого негативного положения дел определенно требуется дополнительное реформирование финансовых рынков, что могло бы быть достигнуто в ходе намеченного преобразования национальной финансовой системы.

Конечно, на результаты секторных реформ, о которых речь шла ранее, сильное влияние будут оказывать общесистемные институциональные реформы. И в первую очередь, начатая реформа государственных корпораций, которая повлечет за собой дальнейшее изменение структуры собственности.

Как известно, планы акционирования крупнейших российских госкорпораций вызывают критику со стороны очень широкого круга специалистов. Достаточно только упомянуть о полемике вокруг приватизации «Мосводоканала». Главный довод противников этой реформы очевиден.

Осуществление намеченных приватизационных программ приведет к сохранению сверхпривилегированного положения крупнейших корпораций и одновременно к переходу основной части собственности в руки высших менеджеров, которым тогда ничто не помешает превратиться в новых олигархов. Наряду с этим прогнозируется дальнейшее увеличение размаха спекуляций на фондовом рынке с активами именно крупнейших корпораций.

Схема 1. Основные контуры взаимодействия технологической и системной экономической трансформаций в России

Тем не менее, можно считать консенсусной следующую точку зрения – *в целом в обозримой перспективе объективно необходимо дальнейшее дерегулирование, разукрупнение и одновременная приватизация в реальной сфере отечественной экономики.* Оно окажет стимулирующее воздействие на предпринимательскую и, конечно, инновационную активность. Тогда следует ожидать спонтанных институциональных новаций, в частности, касающихся изменения неформальных отношений подчинения в бизнес-среде. При этом имеет смысл акцентировать внимание на следующем моменте. Приближение внутренних цен к мировым ценам во многих рыночных секторах, которое обязательно произойдет в случае осуществления новых приватизационных планов, отнюдь не обязательно

влечет за собой повышение эффективности обычных, так называемых рутинных технологий и, тем более, отнюдь не открывает «дорогу» для авангардных технологических инноваций.

Наконец, в кардинальном обновлении нуждаются ранее принятые стратегии развития большинства российских регионов. По этой причине предпринимаемые в последнее время усилия федеральных и региональных властей в данном направлении представляются вполне оправданными.

Какой вывод следует из всего сказанного?

В ближайшей перспективе потребуется скоординированное осуществление глубоких структурных реформ, направленных на реализацию коренной технологической модернизации вкупе с системной институциональной экономической трансформацией, в свою очередь, зависящей от внешних глобализационных перемен (см. схему 1). Один из уроков последних десятилетий состоит в том, что эти макро трансформационные сдвиги не должны препятствовать друг другу. Тем самым на повестку дня становится сложная проблема согласования общенациональной технологической модернизации и дальнейших системных преобразований экономических институтов. Для ее разрешения требуются разные и в то же время скоординированные инструменты политического вмешательства со стороны государства и негосударственных общественных организаций.

В известном смысле в условиях ускоренной догоняющей модернизации системные институциональные преобразования призваны быть не ведущими, а ведомыми. С одной стороны, необходимая, хотя и очень запоздавшая технологическая модернизация становится приоритетной. Институциональные экономические новации ни в коей мере не должны препятствовать максимальной переориентации рыночной деятельности и соответственно, концентрации интеллектуальных, материальных и финансовых ресурсов на выполнении технологических модернизационных сдвигов. С другой стороны, совершенно недопустимо бросаться в крайность «технологизма». Многообразные институциональные реформы, в их числе административная реформа, не должны быть отложены на неопределенный срок. Они требуют постоянного продолжения, хотя и при меньших финансовых и прочих ресурсных затратах.

Также хотелось бы особо акцентировать внимание на следующем принципиальном положении. Относительный приоритет догоняющей технологической модернизации никак нельзя воспринимать как обоснование такой государственной политики, которая направлена исключительно на ускоренную реализацию конкретных технологических проектов, как в период функционирования военной экономики в сталинскую эпоху. Решающим условием преодоления сложившейся технологической отсталости отечественной экономики, позволим себе повториться, явля-

ется скорейшее внедрение эффективных институтов венчурного бизнеса. Институтов, функционирующих в рамках особого поля социальной деятельности, где возможно решать поставленные задачи при ограниченности экономических ресурсов за счет новаторских инициатив. Это направление институциональной перестройки призвано стать приоритетным относительно системного реформирования обычных экономических институтов.

Мы не затрагиваем здесь проблему необходимости и очередности формирования адекватной политической системы, только в условиях которой может эффективно функционировать инновационная экономика. Эта проблема относится к числу самых сложных и острых и по ней высказываются противоположные мнения. Отмечу лишь, что политическое реформирование не может рассматриваться как дело отдаленного будущего, не связанное с решением насущных экономических проблем. Без модернизации политической системы российская экономика не может успешно развиваться.

В развитие всего сказанного вполне уместной выглядит постановка вопроса о построении реалистичной модели технологической модернизации страны как составляющей системного трансформационного процесса. Назначение такого рода модели состоит в первую очередь в адекватном представлении основных каузальных связей, опосредствующих процесс общенациональной технологической модернизации.

В данной связи вполне резонным представляется обращение к модели цивилизационной (страноведческой) стратегической матрицы¹, давно используемой в мировой исследовательской практике. Эта модель, вбирающая в себя большую совокупность переменных экономического развития, геополитических изменений, демографических перемен и других изменений, в принципе позволяет учесть значимые взаимосвязи между основными составляющими звеньями процесса системной трансформации. Однако такого рода связи по сути своей являются корреляционными. Они не объясняют самих причин перемен общенациональной значимости.

По нашему мнению, для разрешения рассматриваемой проблемы требуется несколько иная модель, предполагающая четкую структуризацию процессов технологической модернизации и собственно экономических перемен в рамках системного трансформационного процесса. Как следует из нашей предшествующей аргументации, эта модель должна от-

---

¹ См.: Агеев А.И., Доброчеев О.В., Куроедов Б.В., Мясоедов Б.А. Россия в пространстве и времени. М.: ИНЭС, 2004; Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года М.: ИНЭС, 2006.

вечать, по крайней мере, трем требованиям. Во-первых, технологическая модернизация и неразрывно связанные с ней институциональные преобразования строго отделены от внутрисистемной институциональной трансформации. Во-вторых, учтена градация трансформационных перемен на дискретные и инкрементальные, то есть изменения деэволюционного характера и эволюционного характера. В-третьих, разграничено влияние внутренних и внешних факторов, а также не институционализированных факторов, в частности, демографических перемен.

Непосредственное назначение обсуждаемой модели, как следует из приведенной аргументации, заключается в проектировании секторных структурных сдвигов, притом в первую очередь в зависимости от дискретных технологических сдвигов вкупе с сопутствующими институциональными изменениями. Ожидаемые результаты этих сдвигов правомерно оценивать, исходя из их предполагаемого воздействия на уровень эффективности (производительности) основных факторов секторного выпуска и одновременно на изменения ценовых и других стоимостных параметров. Такие оценки, стоит отметить, могут быть получены с помощью методов сравнительного анализа, используя в качестве «нормативных» уровней эффективности передовые зарубежные уровни.

Одновременно реалистичная модель модернизации как трансформации призвана учитывать эволюционные технологические изменения, происходящие непрерывно и в значительной мере незаметно в итоге осуществления так называемых рутинных инноваций. Известные методы эконометрического моделирования здесь могут быть успешно востребованы.

Не менее сложна задача оценки дискретных институциональных сдвигов, автономных от технологических перемен, на секторном уровне. Они прямо проявляются в изменении ценовых и других стоимостных пропорций на отдельных рынках и даже целой совокупности рынков и косвенным образом через эффективность факторов секторного выпуска, в частности, производительности труда. Для оценки этих эффектов может быть использован целый ряд поведенческих моделей, основанных на анализе результатов схожих прежних институциональных новаций. Впрочем, как показывает конкретный опыт, такое моделирование носит заведомо приближительный характер и рассчитано на выбор наилучшего варианта из ограниченного числа возможных альтернатив дискретных институциональных сдвигов.

Эволюционные институциональные изменения также выступают непременным атрибутом процесса системной трансформации в период ускоренной модернизации. В эволюционной трансформационной модели нет экзогенных и эндогенных переменных – все они в равной степени взаимозависимы. Малые или инкрементальные приращения оцениваются

через взаимосвязи в рамках структурной модели. Для этого вполне правомерно использование традиционных методов дифференциального и эконометрического анализа и, по широко распространенному мнению, моделей, заимствованных из теории синергетики.

Наконец, в модели требуется обязательно учесть влияние на секторные сдвиги не институционализированных процессов. Достаточно упомянуть о демографических переменных, имеющих огромное значение для нашей страны. На эти процессы, в свою очередь, сильное влияние оказывают происходящие системные институциональные изменения. Такого рода зависимости также должны быть представлены в модели.

В итоге, с учетом сделанных замечаний, в самом первом приближении основной остов модели догоняющей модернизации в ходе трансформации нынешней российской экономики (см. схему 2) может быть представлен двумя рядами зависимостей. Во-первых, динамики секторных выпусков от основных факторов, включая промежуточные затраты (1); во-вторых, предельной отдачи этих факторов от ожидаемых технологических, институциональных и не институционализированных изменений в ходе процесса догоняющей модернизации (2), (3):

$$YS_i = \psi(X_{i1}, \dots, X_{in}, F_{i1}, \dots, F_{im}) \quad (1)$$

$$\frac{\partial YS_i}{\partial X_{ij}} = sf_{1j}(\Delta T_i, \Delta TIN_i / INS^0) + \underline{sf_{2j}(\Delta INS_i / \Delta T_i, \Delta TIN_i)} + sf_{3j}(\Delta NI_i / \Delta INS_i, INS^0) + sf_j(\delta T_i, \delta IN_i, \delta IN_i) \quad (2)$$

$$\frac{\partial YS_i}{\partial F_{ij}} = sh_{1j}(\Delta T_i, \Delta TIN_i / INS^0) + \underline{sh_{2j}(\Delta INS_i / \Delta T_i, \Delta TIN_i)} + sh_{3j}(\Delta NI_i / \Delta INS_i, INS^0) + sh_j(\delta T_i, \delta IN_i, \delta IN_i) \quad (3)$$

где:

YS_i – секторный выпуск (i);

X_{ij} – промежуточные затраты на ресурсы (j);

F_{ij} – производственные факторы секторного выпуска;

$\frac{\partial YS_i}{\partial X_{ij}}$ – предельная отдача фактора промежуточных затрат;

$\frac{\partial YS_i}{\partial F_{ij}}$ – предельная отдача производственного фактора;

ΔT_i – дискретные технологические сдвиги;

ΔTIN_i – институциональные сдвиги, сопутствующие дискретным технологическим сдвигам;

INS_i^0 – переменные, отражающие сложившуюся институциональную структуру экономики;

ΔINS_i – общесистемные дискретные институциональные сдвиги;

ΔNI_i – неинституционализированные сдвиги;

δT_i – инкрементальные технологические сдвиги;

δIN_i – инкрементальные институциональные сдвиги;

δIN_i – инкрементальные не институционализированные сдвиги.

Главное дополнительное политическое (именно политическое!) условие заключается в установлении определенного приоритета технологических сдвигов относительно секторных институциональных сдвигов. Такого рода приоритет зафиксированным в (2) и (3) требованиях оценок последствий общесистемных институциональных перемен (ΔINS) исходит из первоначального выполнения технологических (ΔT) и сопутствующих институциональных сдвигов (ΔTIN).

Имеет смысл акцентировать внимание на заведомой недостаточности сугубо функционального подхода для моделирования трансформационных процессов. Функциональная модель в простой приведенной форме изначально не верифицируется в условиях сильного разнообразия структурных переменных. Об этом, стоит заметить, свидетельствует и слабая аналитическая продуктивность применения макроэкономических производственных функций и в нашей стране, и за рубежом.

Схема 2. Основные факторы секторных структурных сдвигов

Объективная сложность причинно-следственных связей, объясняющих основные структурные сдвиги в ходе технологической и экономической трансформаций, обуславливает необходимость оперирования с достаточно полной макроструктурной моделью. Наряду с макроструктурными

ми (секторными) сдвигами она призвана адекватно отражать основные условия распределения доходов, формирования сбережений и их превращения в инвестиции, а также платежный оборот страны.

Обозначенным требованиям в принципе отвечает известная модифицированная макроэкономическая модель общего равновесия (SAM-CGE), давно апробированная в исследованиях под эгидой Всемирного банка¹. Ее исходный блок объединяет зависимости секторного выпуска указанного ранее типа (1) от ресурсных, в полной мере квантифицируемых факторов. Также указанная модель включает в себя уравнения распределения доходов и формирования сбережений, внешнеэкономического оборота и платежного баланса, распределения государственных расходов, а также движения капитальных активов.

В свою очередь, они дополняются балансовыми уравнениями, в их числе балансом активов и пассивов Центрального (национального) банка. При этом для осуществления конкретных расчетов по модели принимаются оптимизационные условия в отношении структуры потребительских расходов и портфеля акционерного капитала. Также нередко предполагается оптимизация экспортного выпуска, исходя из критерия выбора наилучших сравнительных преимуществ.

Пожалуй, в практическом плане главное достоинство обозначенной модели состоит в возможности выявления действительно полного эффекта предполагаемых кардинальных технологических и институциональных сдвигов путем их «проигрывания» через различные макроэкономические зависимости. С этой целью может быть востребована целая совокупность так называемых моделей экономической политики, *исходными переменными в которых выступают альтернативные политические решения*. Стоит упомянуть, по крайней мере, о нескольких моделях такого назначения. Во-первых, о традиционной кейнсианской макроэкономической модели, позволяющей оценить эффект снижения совокупных налогов или увеличения совокупных бюджетных ассигнований. Во-вторых, о широко известных моделях внешнеэкономической политики. В-третьих, о моделях экономической либерализации или, наоборот, внедрения дополнительных инструментов государственного регулирования отдельных рынков. В-четвертых, о моделях оценки эффекта долгосрочных инвестиций с государственным участием.

Все эти частные модели в принципе могут быть взаимно согласованы в рамках рассматриваемой макроэкономической модели. И, в конечном

---

¹ Одна из ее последних версий представлена в исследовательской работе: The impact of macroeconomic policies on poverty and income distribution: evaluation of techniques and tools. Wash., D.C., 2008.

счете, выбор наилучших экономико-политических решений может быть осуществлен, исходя из роста ВВП, повышения материального благосостояния, улучшения экологической ситуации и др.

Принципиально важно и то, что на основе рассмотренной макроструктурной модели может быть решена и обратная задача. Речь идет о моделировании обратной зависимости кардинальных технологических и институциональных сдвигов от желаемых диапазонов макроструктурных сдвигов, определяемых исходя из прогнозируемых макроиндикаторов – ВВП, ИЧРП и др. – в соответствии с определенным сценарием развития страны.

В заключение, резонно остановиться на таком важном вопросе, как программирование трансформации национальной экономики в период ее ускоренной модернизации. Хотелось бы быть правильно понятым. Ранее рассмотренные подходы к анализу и моделированию технологической и общесистемной экономической трансформаций в принципе идеологически соответствуют стратегическому сценарию инновационного развития, представленному в официально одобренной концепции Министерства экономического развития. Однако обоснования и «спуска сверху» концептуальных положений, которыми должны руководствоваться проводники политики государственной власти, явно недостаточно для осуществления крайне сложных и притом взаимозависимых структурных экономических реформ, не говоря уже о других реформах за пределами экономического поля. Как нам уже приходилось говорить, практическое разрешение многообразных стратегических проблем экономического развития нашей страны возможно исключительно посредством обращения к такому инструменту государственной политики, как общенациональное программирование – индикативное планирование¹.

В ходе перспективного индикативного планирования должны быть по возможности спрограммированы последствия предполагаемой политики государства (технологической, экономической, социальной, региональной и др.) и проводимых институциональных реформ. А уже на этой основе должны быть окончательно спроектированы направления государственного вмешательства в трансформационные процессы, имеющие системную значимость.

Особую значимость приобретает программирование долгосрочных инвестиционных решений. Здесь, на наш взгляд, было бы совсем не зазорно использовать опыт разработки программ структурной перестройки (structural adjustment) во многих странах с участием Всемирного банка.

---

¹ Мартынов А. Макроэкономическое планирование: новые горизонты практического применения. // Общество и экономика, 2007, № 12.

Конечным результатом многоитеративного процесса разработки и принятия общенационального индикативного плана является правильная информационная ориентация частного бизнеса на осуществление трансформационных преобразований, с учетом предполагаемого государственного регулирования отдельных рыночных сегментов и государственной поддержки сферы общественного потребления. Тогда государственные программы и вбирающий их среднесрочный индикативный план будут действительно ориентировать основных экономических субъектов на решение общенациональных задач экономического и в целом социального развития.

Конечно, в процессе общенационального индикативного планирования следует исходить из того, что технологическая перестройка и институциональные экономические трансформации дополняются реформированием политической государственной системы, обычно представляемой как политическая модернизация. Это обстоятельство является очень важным аргументом в пользу принятия действительно системных, во многом компромиссных решений в области технологической и экономической политики, что предполагает высокий уровень компетенции реально ответственных руководителей. Таково безусловное требование настоящего, крайне сложного периода трансформации национальной экономики и всей социальной системы нашей страны.

В связи со сказанным совсем не вызывает оптимизма такой пропагандистский подход к теме модернизации, когда принципиально разные проблемы не разграничиваются, их специфика не учитывается, допускается возможность одновременной модернизации «всего и вся». А главное – повторяется горбачевская практика проведения реформ без проработки эффективности политических методов реформаторства, соответствующей перегруппировки политических сил страны, обеспечения осознанного позитивного участия населения в реформах.
